

***

Лу Чуань сделал шаг вперед, и Се Нин тут же попятился, пока не уперся коленями в край кровати. Он во все глаза уставился на супруга, не понимая, что тот задумал. В нос ударил густой аромат вина — Се Нин с детства терпеть не мог этот запах.

Раньше отец, стоило ему выпить, вечно лез к нему обниматься, чем ужасно злил. Юноша несколько раз доводил дело до бурных слез, пока мать в конце концов не наложила запрет на выпивку. С тех пор хоу Юннин, приложившись к чарке, больше не смел и на шаг приближаться к сыну.

Се Нин уже и забыл, каково это — чувствовать рядом винный дух. Даже когда они обменивались ритуальными чашами, он пил, лишь пересилив себя: вино обожгло горло, оставив неприятную горечь. Он искренне не понимал, как люди могут любить эту гадость.

Заметив его брезгливый взгляд, Лу Чуань спохватился. Он оттянул ворот халата и принялся — запах спиртного и впрямь был довольно тяжелым.

— Похоже, я совсем зашиб тебя этим хмелем, Нин-гээр? — виновато улыбнулся Лу Чуань.

Се Нин решительно кивнул и, надув щеки, проворчал:

— Пахнет скверно.

С нахмуренными бровями и обиженным видом он сейчас удивительно напоминал капризного котенка, чей хозяин вернулся домой, пропахнув чем-то неприятным.

Услышав это, Лу Чуань поспешно отступил на несколько шагов:

— Тогда я ненадолго уйду, чтобы ополоснуться и переодеться. Ты и сам наверняка вымотался за день. Сейчас я велю принести тебе воды, чтобы ты мог умыться и снять это тяжелое платье — так будет куда легче.

При этих словах глаза Се Нина радостно вспыхнули. В его свадебном наряде швеи использовали немало золотых нитей, а вместе с тяжелым головным убором всё это, хоть и выглядело великолепно, причиняло немало мучений. Однако матушка Лю и Бай Юй строго-настрого запретили ему переодеваться, пока не вернется жених.

Настроение Се Нина мгновенно улучшилось. Забыв о недавнем раздражении, он одарил мужчину широкой, лучезарной улыбкой. Тот на миг замер, почувствовав, как голова снова

пошла кругом — будто хмель ударил в голову с новой силой, окончательно лишая рассудка.

Лу Чуань ответил мягкой улыбкой и поспешил к выходу, даже слегка споткнувшись о порог. Се Нин не сдержал тихого смешка.

«А он неплох, — подумал он, — умеет быть внимательным»

Выйдя из комнаты, Лу Чуань велел Бай Юю и Хэ Хуа, дожидавшимся у дверей, войти к господину. Он понимал, что в новом доме и незнакомой обстановке Се Нину будет спокойнее в окружении своих людей. Сам хозяин дома направился на кухню, распорядившись согреть воды и доставить её в покои.

Свадебный пир к тому времени уже подошел к концу. Деревенские жители помогли разойтись по домам тем гостям, что изрядно перебрали с выпивкой. Учитель Цинь, не привыкший к хмельному, заснул после первых же поднесенных чаш, и староста деревни сразу после окончания банкета велел Чэнь Циншаню проводить наставника.

Во дворе остались лишь несколько деревенских женщин, помогавших с уборкой. Владелец артели, занимавшейся организацией столов, вместе с поварами и подсобными рабочими уже собрали мебель и посуду, погрузили всё на телеги и отбыли — староста лично проследил за расчетом.

Вскоре тетушки закончили наводить порядок в доме и на кухне. Лу Чуань предложил им забрать остатки мясных блюд и закусок с собой, но те поначалу скромно отказывались. По деревенским обычаям, хозяева всегда делились оставшимся угощением с помощниками, но в доме Лу еды осталось непривычно много. Тетушкам было неловко: они пришли целыми семьями, подарков особых не принесли, а теперь еще и уходили с полными руками.

— Сейчас стоят холода, и мясо может храниться долго, — мягко убеждал их молодой человек. — Но мой новый супруг выходец из дома хоу. Боюсь, он не привык к вчерашним блюдам, да и я не хочу потчевать его остатками. Так что, добрые тетушки, окажите мне услугу, помогите разобраться с запасами.

Женщины переглянулись и решили, что в его словах есть резон. В самом деле, разве мог супруг из столь знатного рода питаться так же, как они? Ему, несомненно, подавай всё самое свежее. Они отправили домочадцев за мисками и горшками, быстро разобрав оставшуюся еду, и довольные разошлись по домам.

Жена старосты, лично доставив горячую воду в брачные покои, тоже попрощалась. Тишина медленно опустилась на двор.

Домик семьи Лу был мал, и разместить всех приехавших гостей не представлялось возможным. Слуг, сопровождавших свадебный кортеж, староста пристроил на ночлег у себя и в нескольких других просторных домах деревни. При Лу Чуане остались только матушка Лю, Бай Юй и Хэ

Хуа. Он не стал никого беспокоить и сам перетаскал воду в ванную комнату, готовясь к омовению.

Матушка Лю тем временем осматривала приданое. Резиденция Лу состояла всего из одного небольшого двора и была совсем невелика. Вещей, привезенных Се Нином, оказалось так много, что они заняли почти все свободные помещения. Приданое должно было остаться здесь лишь на одну ночь, чтобы на следующий день слуги перевезли его в загородное поместье господина. Из-за этого Бай Юю, Хэ Хуа и матушке Лю пришлось тесниться в одной комнате.

Помогши Се Нину умыться и переодеться, слуги покинули брачные покои. Хэ Хуа, прикрыв дверь, не удержался от тяжелого вздоха:

— Дом у зятя совсем крошечный. Как же жалко нашего господина!

Бай Юй тоже чувствовал досаду — Се Нину прежде не доводилось жить в такой тесноте. Чтобы хоть как-то разместить его вещи, пришлось буквально освобождать каждый угол.

— Зато покои обставлены со вкусом, — попытался утешить его Бай Юй. — Да и проживем мы здесь всего несколько дней. После обряда возвращения в родительский дом господин сможет перебраться в свое поместье.

Хэ Хуа нехотя кивнул. По здравому размышлению, зять казался человеком достойным и вежливым даже со слугами. Уж лучше теснота здесь, чем жизнь в доме Лянь Инцзе, где господину пришлось бы угождать своенравной свекрови.

Матушка Лю хранила молчание. Для неё было неважно, насколько велик дом, — лишь бы Лу Чуань оказался хорошим человеком. Богатство и комфорт семья хоу могла обеспечить и сама, лишь бы Се Нин был счастлив.

Когда Лу Чуань закончил мыться и переоделся в чистое, в доме только в брачных покоях еще теплился свет. По старинному обычаю, свечи в комнате новобрачных должны были гореть до рассвета, символизируя пожелание долгой и счастливой жизни.

Молодой человек замер перед дверью, охваченный странным волнением. Там, за порогом, его ждал человек, ставший его судьбой. Подавив робость, он постарался придать лицу спокойствие и осторожно толкнул дверь. Но, вопреки его ожиданиям, Се Нин не сидел в томительном ожидании — он, уютно укутавшись в одеяло, уже сладко спал.

Лу Чуань не сдержал тихой, беззлобной улыбки. Вся его подготовка и душевные терзания оказались напрасны: тот, перед кем он так робел, просто провалился в сон. Видимо, настоящую брачную ночь придется отложить.

Се Нин умудрился занять почти всю кровать — привычка спать одному и непременно

посередине дала о себе знать. Как только слуги ушли и некому стало его развлекать, он почувствовал, как сонливость накатывает тяжелой волной. Сначала он честно хотел дождаться мужа, как наказывала мать, но искушение теплой постели оказалось слишком велико. К тому же в зимнюю пору холод пробирался до самых костей, и даже пушистое подбитое мехом плаще-пальто не могло сравниться с жаром одеяла.

«Я просто немного полежу, согрею постель для мужа»

Вспомнив истории из книжек о «согревающих постель служанках», он решил, что сегодня примерит на себя роль «согревающего постель супруга». С этой мыслью Се Нин отбросил плащ и нырнул под одеяло. Расчет был хорош, но он переоценил свои силы: стоило голове коснуться подушки, как через несколько мгновений он уже крепко спал.

Лу Чуань аккуратно отодвинул его поглубже к стене, опустил полог и прилег с краю. Се Нин, почувствовав движение, приоткрыл один глаз, и, смутно осознав, что это его муж, тут же снова погрузился в сон. Мужчина лежал, боясь шевельнуться и стараясь оставить между ними хоть немного пространства.

Но через щель между ними в постель прокрался сквозняк. Се Нин, инстинктивно ища тепла, начал придвигаться к супругу. Вскоре его рука по-хозяйски легла на плечо Лу Чуаня, а их бедра соприкоснулись. Тот почувствовал, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Они были так близко, что он мог уловить тонкий, едва заметный аромат, исходивший от кожи Се Нина. Муж замер, боясь даже вздохнуть, чтобы не потревожить сон. Он думал, что не сомкнет глаз до утра, но усталость и бессонная прошлая ночь взяли свое — вскоре и он провалился в глубокий сон.

На следующее утро свечи догорели, и в комнату заглянуло яркое солнце. Се Нин почувствовал, что обнимает что-то теплое. Он лениво провел рукой — на ощупь это не было похоже на одеяло. Спустя мгновение сознание прояснилось, он распахнул глаза и обнаружил, что прижимается вовсе не к подушке, а к человеку, за которого вышел вчера.

«Ах да, я ведь вышел замуж! У меня есть муж! И мы спали вместе?!»

Се Нин мгновенно проснулся. Он обнимал Лу Чуаня за руку, в то время как ладонь того покоилась на его талии, а его собственная нога оказалась зажата между бедрами супруга. Осознав это, юноша в ужасе отпрянул. Кожа на талии, где её касалась чужая рука, казалось, горела огнем, а пальцы ног невольно поджались от смущения.

Такая близость! Все те действия, о которых он вчера думал со страхом и неприязнью, произошли сами собой, пока он спал. Сгорая от стыда, он попытался осторожно убрать руку Лу Чуаня и выбраться, не разбудив его, но лишь добился того, что муж проснулся.

Голос того был хриплым и низким:

— Радость моя... поспи еще немного, — пробормотал Лу Чуань и, не открывая глаз, с силой притянул Се Нина обратно к себе.

Тот, видя, что супруг окончательно проснулся, пересилил смущение, высвободил ногу, отвел его руку и, завернувшись в одеяло, поспешно перекатился на другой край кровати. Лу Чуань, оставшись без прикрытия, почувствовал холодный утренний воздух, и остатки сна мгновенно улетучились.

Матушка Лю встала ни свет ни заря. Она уже успела согреть воды на кухне и оставить завтрак томиться в котелке. Бай Юй и Хэ Хуа, вымотанные вчерашним днем, еще спали. Пожилая женщина прождала до середины ночи, но из брачных покоев не донеслось ни звука, и за водой никто не пришел, так что она тоже прилегла отдохнуть.

Теперь же, едва забрезжил рассвет, она снова была на ногах. В первый день после свадьбы новобрачным полагалось рано встать и засвидетельствовать почтение родителям мужа. И хотя родителей Лу Чуаня уже не было в живых, нужно было совершить обряд перед их поминальными табличками. Вскоре поднялись и слуги, встав вместе с матушкой Лю в ожидании у дверей спальни. Но время шло, а из комнаты никто не выходил.

Когда матушка Лю уже собиралась постучать, дверь наконец распахнулась. Вышедший Лу Чуань, уже полностью одетый, велел Бай Юю и Хэ Хуа идти помогать господину, который всё еще кутался в одеяла. Сам он в услугах не нуждался — он не любил, когда за ним ухаживают, и за последние месяцы вполне научился справляться сам.

Матушка Лю принесла таз с горячей водой, чтобы Се Нин мог умыться, а Бай Юй принялся подбирать наряд, подобающий сегодняшнему дню.

— Господин, почему у вас лицо такое красное? Неужто жар начался? — воскликнул Бай Юй, едва Се Нин выбрался из-под одеяла.

Вовсе нет! Он просто всё еще не мог прийти в себя после пробуждения.

— Нет никакого жара, — отрезал Се Нин. — Давай скорее переодеваться. Нам еще нужно почтить память его родителей.

Слуга не стал спорить и принялся за дело.

В доме Лу поминальных табличек было немного — только дед с бабкой и отец с матерью Лу Чуаня. Дед Лу когда-то пришел в эти края, спасаясь от голода, и не помнил имен предков, так что сам стал основателем их родословной книги.

Матушка Лю подала чай, и Се Нин с Лу Чуанем, приняв чаши, совершили подношение перед табличками. Глядя на имена родителей, Лу Чуань невольно вздохнул.

Жизнь полна неожиданностей. Он и помыслить не мог, что не просто выживет в этом мире, но и найдет человека, с которым захочет разделить свою судьбу. В глубине души он лишь надеялся, что душа прежнего владельца этого тела сейчас обрела покой рядом со своими родными.

<http://bllate.org/book/15313/1354405>